

СОЦИУМ И СУБЪЕКТНОСТЬ: ВЫЗОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ (От советского опыта к цифровым форматам)

Г.Л. Тульчинский

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)*

Аннотация: Работа содержит попытку рассмотрения вызовов для современной политической науки, которые связаны с масштабной цифровизацией социально-культурных практик, включая политические. Ключевым моментом этих вызовов является антропологический вызов, обусловленный искушением власти властью в укрощении субъектности. Привлечены идеи В.П. Макаренко, А.А. Зиновьева, а также прагмасемантический подход.

Ключевые слова: власть, политическая концептология, прагмасемантика, смысловая картина мира, социум, субъектность, цифровизация.

Постановка проблемы

Импульсом для написания данной работы стало участие во Всероссийской с международным участием научной конференции «Становление и развитие политической науки в Южном федеральном университете и на юге России (1984–2024 гг.)», состоявшейся в ЮФУ (Ростов-на-Дону, 4–5 апреля 2024 г.). На ней состоялось обстоятельное и глубокое обсуждение состояния, проблем и перспектив всего комплекса политических наук. В немалой степени такой обстоятельности способствовало творчество основателя и лидера южно-российской школы политической науки В.П. Макаренко, чей юбилей отмечали на этой конференции.

В подавляющем большинстве докладов внимание акцентировалось на ключевой роли идеологии, культурного кода, морали, теологии, ценностях, как основании политической жизни, ее объяснения и развития, то есть – смысловой картине мира, задающей ориентиры в понимании социальной реальности, включая власть, ее природу и роль. Именно соотношению власти и смысловой картины мира и посвящена данная работа.

В решении этой задачи используются три идеи. Во-первых, идея В.П. Макаренко об инструментальном характере идеологии для любой власти [Макаренко 2021]. Во-вторых, идея А.А. Зиновьева о том, что по в перспективе механической формализации социальной жизни на первый план выходит «менталитетный» аспект, обеспечивающий консолидацию социума на основе единого мировоззрения [Зиновьев 2022]. И в-третьих, это прагмасемантический подход к анализу смыслообразования, зависящего от контекстов социально-культурных практик, и со-

гласно которому субъектность, будучи сама порождением этих практик, выступает универсальным интерфейсом взаимодействия и смены таких контекстов [Zolyan 2021; Тульчинский 2022].

Тезис В.П. Макаренко

Фундаментальное, обстоятельное исследование В.П. Макаренко, перебравшего практически все используемые в наше время политические концепции и идеологии, показывает, что содержание каждой из них не самоценно для самой власти. Главное – объяснение и оправдание, обеспечение принятия власти, ее легитимности. И для достижения этой цели может использоваться любая идеология, ее модификации, трансформации. ВПМ прослеживает это на подробном рассмотрении трансформации марксизма в ходе борьбы за власть и ее удержания в предвоенный и послевоенный периоды. Большевики не ограничивали себя теоретическими и идеологическими рамками, легко отказываясь от одних идей и адаптируя другие [Макаренко 2021: т. 2]. Этот кейс нагляден своей динамикой, но аналогичная пластичность свойственна практически любому политическому режиму.

В этой связи В.П. Макаренко – аналитик очень последовательный – неожиданно, но вполне закономерно приходит к проблеме политического аналога теодицеи: как оправдать Всеблагую, Всезнающую, Всемогущую и Всесильную сущность в допущении ею зла [Макаренко 2021, т. 5: 93–128]. Такой ход мысли дает модельный кейс по отношению к объяснению и оправданию власти, ее смысла. Действительно, если Господь обладает полным влиянием на происходящее, включая дела человеческие, то он может рассматриваться как воплощение полной, абсолютной власти. И как тогда понять и оправдать несовершенства и зло, творимое в подвластном ему мире? Тем самым в идее абсолютной власти или власти как таковой несущая общее благо («власть для людей») и благо для самой себя («власть ради власти») оказываются тождественны и в этом тождестве противоречивы.

Политическая наука в анализе власти как таковой оказывается в ситуации сродни кризису оснований математики, связанных с идеей множества всех множеств: может ли такое множество включать само себя? Популярной версией этой ситуации является парадокс о браздобрее, который должен брить всех мужчин селения, которые не бреются сами, и должен ли он брить самого себя – если да, то не должен, а если нет, то должен. Так и власть – ключевая характеристика и фактор образования социума, задания его упорядоченности. Без власти индивиды не могут образовать общность, необходимую для достижения блага каждого из них (выжить, продолжить род, самореализоваться), но при этом любая власть есть ограничение, подавление субъектности, порождающее разрастающуюся бюрократию – «организм-паразит» (К. Маркс).

К. Гёдель в своей теореме объяснил противоречивость любой содержательной теории, что открыло в основаниях математики дорогу конструктивизму, сводящему теоретические концепты к алгоритмам построения соответствующих объектов. В конечном счете именно такой подход воплотился в алгоритмизации, программируемости, цифровых технологиях, определяющих современную цивилизацию. Думается, что и осмысление власти, наделение ее конкретными характеристиками, выражающими представления о добре и зле, – дело не предельных абстракций, а конкретных людей в конкретных ситуациях. Похоже, именно в этом ключ разрешения парадоксальности власти, ее «сущностного противоречия» [Ледаев 2001].

Рассмотрев возникающие в теодицее власти парадоксы и признавая, что к Господу неприменимы этические, моральные и прочие характеристики оценки власти, В.П. Макаренко, фактически, приходит к аналогу теоремы Гёделя в политической науке. Политическая жизнь и политическая теория оперируют достаточно содержательными языками и, пытаясь описать себя, неизбежно оказываются противоречивыми. Наделение абсолютной власти как таковой смысловыми морально-этическими характеристиками суть претензии на знание мотивации Господа,

этакое «человекобожие». Но человеку, существу конечному, не дана бесконечная полнота божественного знания сущего. Человек всегда постигает мир с какой-то позиции, точки зрения, в каком-то смысле. Смысл – сугубо человеческое измерение бытия – не больше, но и не меньше. А упования наши на Господа и его волю, как отмечал И. Кант, должны быть настолько полными, что не должны его примешивать к нашим делам. Поэтому оценки власти, отношение к власти – дело именно и сугубо человеческое, возможно, почти по Ф. Ницше, «слишком человеческое».

Концептологическая схолия

Кстати, такой конструктивистский подход уже проявляется в социальных науках, включая экономику и политологию. Главный интерес представляет не просто необходимость социальных институтов, а проблема их возникновения и развития, если не выращивания [Асемоглу, Робинсон 2015; Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011]. И в любом случае как естественной эволюции, так и сознательного реформирования одной из задач становится трансформация смысловой картины мира. Решать эту задачу можно двояким путем. Прежде всего, это сменяемость самой власти, когда другие партии, социальные силы предлагают новые ориентиры и решения. Собственно, именно этому и служит процедура выборов. Если в силу каких-то причин эта процедура не работает, то сама власть прибегает в смене курса, опираясь на новые идеи и новых акторов. Каждый путь неоднозначен. В первом случае имеется опасность прихода к власти носителей популистской идеологии, способной привести общество к деградации, включая гипертрофию бесполезной бюрократии. Во втором случае разрастание все той же бюрократии может тормозить принятие необходимых решений и привести общество к революционной ситуации и серьезному катаклизму. Но в обоих случаях сущностной проблемой является синхронизация динамики политического режима и смысловой картины мира.

Особую роль играет история становления и формирования власти, причем не просто некая сложившаяся культура, предопределяющая все последующее развитие общества в духе концепции *culture matters* [Хантингтон, Харрисон 2002], а именно траектория, этапы становления конкретного социума (*history matters*), которые его культуру формируют и иногда меняют [Травин 2021]. А это уже не отнесение к некоей категории (множеству), не этикетирование, а конкретное шаг за шагом прослеживание становления социума, значит – и возможности его дальнейшего развития.

Так что задача – в открывшихся перспективах нового осмысления политической реальности. В нынешнем интенсивном общецивилизационном процессе столкновения смысловых картин мира, латуровской пересборки социально-культурных практик конструктивность такого осмысления предполагает ориентацию на политический инжиниринг, основанный не на абстрактных представлениях и моделях, а на конкретном учете элементной базы каждого социума: от культурно-исторического опыта и реальных проблем до общности интересов социальных сил и акторов, выражения их политической воли.

Но и такой конструктивно-алгоритмичный подход в его политическом изводе неоднозначен именно в своей конкретности. И вот тут пора говорить о главном вызове политической науке перед лицом современности.

Вызовы цифровизации

Реализуемый в последней книге пятитомника В.П. Макаренко пафос критики «нормализации мысли» в современной культурологии и политологии, преодоления концептуального разнообразия выглядит обоснованным.

Информационно-коммуникативные технологии в цифровых форматах, пронизывающие все сферы современной социальной жизни, отчетливо проявляют две технологически подкрепляемые тенденции. С одной стороны, это невиданный ранее жизненный комфорт, обеспеченный широкой доступностью к каналам коммуникации. С другой стороны, одновременно ширится тенденция обеспечения секьюритизации, контроля, санкций, которая, опять-таки, подкрепляемая технологически, порождает колоссальное искушение власти властью такого всеобъемлющего контроля.

Обе тенденции технологически сливаются в формировании целостной алгоритмически выстроенной среды, которую ее создатели так и называют «экосистемой», «метавселенной», когда человек вынужден встраиваться в созданные заранее алгоритмы поведения и мысли, во все большей степени становясь не столько пользователем, сколько опцией этой среды [Тулчинский 2023]. В рыночной среде это порождает прекариат, обнуляющий результаты многолетней борьбы трудящихся за свои права [Стэндинг 2014], а также новый вид ренты («экзистенциальной»), когда самим фактом своего существования, включая потребление, человек оставляет «Большие Данные», которые аккумулируются, обрабатываются и монетизируются. А в социальной среде личность вынуждена встраиваться в жесткие рамки контроля от системы образования, сводящегося к тестам, до форматов типа китайского социального рейтинга своего поведения, образа жизни. От человека требуется не осмысляющая рефлексия, а геймерская реакция, реализующая правильный алгоритм.

В объяснении ситуации полезно обратиться к соображениям А.А. Зиновьева.

Тезис А.А. Зиновьева

А.А. Зиновьев яркий и нетривиальный мыслитель и автор. Вокруг него постоянно, особенно в последнее время, ведутся, как мне видится, излишне эмоциональные споры. В его наследии немало перспективных идей, достойных более серьезного осмысления, чем политическое этикетирование и превращение их автора в идеологический жупел. Так, лично для меня, логика по образованию и кандидатской диссертации и до сих пор практикующего логика, чем дальше, тем все больший интерес представляет зиновьевская трактовка отрицания, важная для операционализации апофатического семиозиса и смыслообразования. Однако предметом рассмотрения в данном сообщении являются несколько идей зиновьевской «логической социологии» – применении к социальным объектам разработанной им логики и методологии науки, как он подчеркивал – беспристрастного и внеоценочного подхода, позволяющего избегать идеологических и эмоциональных клише [Зиновьев 2022: 172–173].

Базисными («атомарными») социальными объектами, согласно Зиновьеву, являются человеческие индивиды, обладающие телом и сознанием, что позволяет им совершать сознательные действия, образовывать сообщества. Объединения, занимающие определенную территорию, обладающие способностью к самоорганизации, воспроизводству новых поколений индивидов, обладающих общей идентичностью, Зиновьев называет «человекниками» (слово удивительно быстро прижилось для характеристики многоквартирных монстров современной урбанистики). Человек в качестве социального атома возникает и существует лишь как член человекника, а человекник – лишь как объединение людей в этом качестве. [Зиновьев 2022: 196–200]

Чтобы любое объединение (от, минимум, 2-х индивидов до сотен миллионов человек) было жизнеспособным как целое, в нем происходит универсальное для всех времен и народов разделение на тех, кто выполняет функции управляющего органа (мозга, сознания), и тех, кто выполняет функции управляемого тела [Зиновьев 2022: 188–190]. Такое разделение формирует власть (управление) обеспечивает целостность человекника. Его социальная организация многомерна, но Зиновьев выделяет три ключевых аспекта, обеспечивающие жизнедеятельность членов человекника: (1) деловой, экономический, формирующий условия

существования; (2) коммунальный, образующий отношения между членами сообщества; (3) менталитетный, связанный с консолидацией социума на основе общности представлений о мире, других людях, самом социуме, своего места в нем [Зиновьев 2022: 222–225]. Акцентирование на деловом или коммунальном аспектах порождает два крайних типа социальности, проявившиеся в XX столетии: западнистскую и коммунистическую соответственно.

Идеи зиновьевской социологии, на первый взгляд, кажутся излишне упрощенной трактовкой социума и социальности. Однако, что касается трактовки социума как «человеяника», то она близка не только современной урбанистике, где это слово закрепилось для обозначения городских многоэтажек, но и тому обстоятельству, что главным героем XX века стала масса, а термины «массовое общество», «массовый человек», «массовое потребление» прочно вошли в современную социологию, социальную психологию, экономику. Что же касается делового и коммунального векторов социальности в жизни человеяников, то это зиновьевское обобщение порождает отчетливые ассоциации не только с фроммовским модусами бытия «иметь» и «быть», западными и восточными культурами управления и коммуникации у Г. Хофстеде [Hofstede 2001] и Р. Льюиса [Lewis 2018], с двумя форматами этики В. Лефевра [Лефевр 2003], даже с двумя векторами политической власти в КНР [Вавилов 2022]. Показательно совпадение этого различия и с недавним социологическим исследованием мотивации стратаперов в России и их коллег в Финляндии, Китае, Корее [Бычкова 2019]. Иностранцы стартаперы, изобретатели ориентируются на конечный результат (внедрение и монетизацию). Отечественные – на процесс и признание таланта (но не конечного результата, т. к. выскочек не любят). А для конечного успеха надо выезжать (П. Яблочков, И. Сикорский, В. Зворыкин,.. – вплоть до В. Бутерина).

Социальность и субъектность

Но дело, очевидно, не столько в различении коммунального (быть) и делового (иметь) принципов, управления по целям (по-американски) и по ценностным нормам (по-японски), сколько в их соотношении и дополнении, балансе. Цели определяются на шкале ценностей, которые задают поле возможных выборов, как дорожные правила задают общие правила, руководство которыми позволяет водителям достигать целей. Аналогичны соотношение и дополнительность целей бизнеса и социальных институтов.

Этой социальности у А.А. Зиновьева противостоит индивидуальная мораль человека, выживающего в социальности. Либо растворяющегося в ней (отказ от субъектности человека «массового», по Р. Хофферу – «убежденного» [Хоффер 2017]), либо использующего законы социальности в своих целях для реализации своего автопроекта. В этой связи Зиновьев часто использует метафору самолета, позволяющего человеку летать, преодолевая силу земного притяжения, используя другие законы природы.

Однако и жизненные стратегии «человека убежденного» и автора проекта своей жизни тоже дополнительны. Первому нужны образцы и лидеры, а второму – ведомые исполнители. Этой коварной дополнительности Зиновьев не касается, но зато он обращает внимание на то, что хрен западнизма не слаще редьки реального коммунизма: оба они насаждают консолидирующий менталитетный план, обеспечивающий легитимность власти. Обе социальности – коммунальности (коммунистическая) и деловая (западнистская) – сближаются в бездушном механическом формате. Нынешнюю волну цифровизации всего и вся, он не застал, но уже отмечал перспективы расплаты современного общества за свой технологический «скачок» со второй половины XX века. По мнению Зиновьева, развитие материальной культуры современных человеяников породило не только поглощение природной среды материальной культурой, возникновение сверхгигантских городов (мегалополисов), но также взлет и экспансию, как он писал – «информационно-интеллектуальной техники», сферы «знаковой

культуры». [Зиновьев 2022: 213–214], стимулирующей переход от эволюции обществ к господству сверхобществ.

Разумеется, люди сами устанавливают правила функционирования, организации и использования технологической «знаковой культуры», порождаемой ею смысловой картины мира. «Но, вступив в силу, эти правила приобретают характер законов природы, вернее – сверхприроды, в смысле искусственно изобретенной природы над природой естественно данной. ...Люди могут бороться с себе подобными, бунтовать против них, упрекать их во всех грехах. Но ничего подобного они не могут позволить себе в отношении вещного мира. Если кто-то отказывается от роли прислуги вещей, он либо заменяется другим, послушным человеком, либо вещный мир вообще начинает обходиться без людей, либо случаются какие-то неприятности, обычно преодолеваемые в пользу вещей.» [Зиновьев 2022: 216–217]

Поэтому комплекс идей зиновьевской социологии представляется полезными для осмысления ключевых процессов современности – например, трансформации социально-культурных практик посредством алгоритмов цифровых технологий. Речь идет о формировании обезличенно алгоритмизированной системы управления и контроля реализации требований социальности, об освоения компьютерными технологиями личностно-ментальных характеристик пользователя. Корни такого вызова можно проследить на примере реализации модели «менталитетного» аспекта «нового советского человека».

Советская проба пера формализации и укрощения субъектности

Цифровой формат схождения векторов социальности предстает как антропологический вызов субъектности. Показательно, что «тезис Макаренко», как и «тезис Зиновьева», выработаны на материале советского опыта, и, применительно к ситуации цифровых форматов, оба тезиса сходятся в искушении власти властью для укрощения субъектности. Поэтому, думается, не случайно с течением времени все более глубокое внимание уделяется социально-философскому и философско-антропологическому осмыслению феномена советского бытия.

Так, в ряде работ С.А. Никольского и под его руководством было реализовано осмысление феномена советского бытия, включая опыт советского проекта нового человека [Злотникова, Никольский 2022; Никольский, 2023а, 2023б, 2024]. Провозглашенное создание коммунистического общества предполагало не только ликвидацию частной собственности в экономике советской России/СССР, развитие соответствующих социальных отношений. Эти радикальные преобразования одновременно, с одной стороны, формировали новое сознание у участников этого процесса, а с другой стороны, нуждалось в активных его акторах. Любое социальное преобразование порождает смену смысловой картины мира, понимание личностью своего места в этом мире и обществе, а тем самым – изменение сознания и самосознания.

Советский режим укрепился не только победой в Гражданской войне, экономическими успехами НЭПа, «Великим переломом»... В первые два послереволюционные десятилетия сформировался особый тип (отчасти даже – поколение) советского человека, который можно рассматривать в качестве действительно «нового человека». Речь идет о поколении, детство которого пришлось на гражданскую войну, юность – на становление советской власти, на «Великий перелом» коллективизации и индустриализации, взросление – на Великую войну, пережить которую удалось не всем.

Это были не умопостроенные «разумные эгоисты» Чернышевского, не самоотверженные борцы подполья или воины гражданской войны, а уже реально обустроивающие новую жизнь в новом социуме, не «лишние», а нужные этому социуму люди, знающие, как эта жизнь может и должна выглядеть, верящие в свои силы это осуществить. Этим преследователям истинной и полной справедливости были свойственны специфическое понимание про-

грессивности и реакционности, нетерпимости и безальтернативности, ожидание от всех «сознательности» во всем. Помимо прочего, это служило основой практик бдительности, секретности, доносов, чистки рядов, бесконечной череды собраний и политинформаций. [Злотникова, Никольский 2022: 264–289] А главное, – отношение к человеку как расходному материалу реализации идей. И под такое отношение попали не только «бывшие», «спецы», крестьяне, но и само это поколение. К этому поколению принадлежали «ифлийцы», которые создали новую советскую поэзию и философию. В философском изводе этот советский антропологический тип проявился яркими примерами фигур А.А. Зиновьева, Г.П. Щедровицкого – таких разных, но с элементами трикстерства, по-советски нетерпимых, постоянно рефлектирующих.

При этом, в советской стране сложилась весьма неоднозначная ситуация. С одной стороны, пропаганда, система образования, литература (прежде всего – литература и кино) формировали и транслировали запрос на личность, способную к самостоятельным творческим действиям, способную брать на себя ответственную инициативу. С другой стороны, реальные практики социальной жизни – и чем дальше, тем все больше – сопровождалось нарастающей регламентацией, неприятием способности именно к автономному ответственному поведению, практиковались контроль и жесткая регламентация, когда человек с самого детства и до седин не был хозяином своей собственной жизни.

Широко использовались практики публичного клеймения на уровне класса, пионерской дружины, трудового коллектива, союза писателей, открытого судебного процесса, средств массовой информации. Это была практика не только публичной критики с обязательным признанием обсуждаемого своей неправоты и обещанием исправиться, но и осуждение «отщепенца», как недостойного быть членом социума. Тем решалась задача не только и не столько «перевоспитания», осуждения зла, сколько удовлетворения принадлежности коммунальной социальности и агрессивности. Остракизм, охота на еретиков и «ведьм», гиперсемиотизация и символизация окружающей среды, всегда имели место в истории, но именно в советское время они приобрели особый масштаб и глубину.

В результате, первоначальный энтузиазм преобразований, а также потенциал первого собственного советского поколения были исчерпаны, стали расходным материалом властного режима. Практики контроля и соответствующего социального отбора, в конечном счете, породили парадоксально сочетающиеся инфантильную безответственность и нетерпимость. Недоговороспособность, неумение и нежелание выстраивать горизонтальные отношения приводят к доминированию игр с нулевой суммой (все или ничего) на всех уровнях социальной жизни. Закрепился опыт решения всех вопросов исключительно через властную вертикаль посредством просьб, жалоб и доносов. Сложилось и закрепилось буквально зинovieвское расслоение социума на взаимодополняющие друг друга два типа людей: тех, кто имеет чрезвычайно мало возможностей самостоятельного обустройства своей жизни, и тех, кто безответственно распоряжается этим человеческим материалом.

Таким образом, советский опыт предстает убедительным свидетельством, уроком-предупреждением о двух обстоятельствах: (1) последствиях формализации социальных отношений, и (2) менталитетный аспект, объясняющий власть для общего блага, в этом плане играет чисто инструментальную роль для власти ради власти. Это особенно актуально применительно к условиям современной ситуации, когда социально-культурные практики в цифровом формате сводят смыслообразование к нормативным алгоритмам, порождая мощное искушение власти властью в «укрощении» субъектности. Такой урок важен не только для России, а для современного мира вообще, но для России в особенности. Более того, применительно к новым цивилизационным условиям он оказывается «пробой пера».

Цифровой формат схождения векторов социальности как антропологический вызов субъектности

Благодаря Интернету и социальным сетям, упомянутые советские практики обрели новые горизонты. Сетевой буллинг, «новая этика» с ее практиками «удаления» (кэнселинга) – это опыт, вроде бы – ненасильственного, но жестокого укрощения субъектности.

Цифровые технологии, формализующие социально-культурные практики меняют не только экономику, политику, образование, но и весь образ жизни, в результате чего наметился некоторый дисбаланс в сторону технологически обеспеченного «укрощения» вменяемой субъектности. Что и порождает указанные выше вызовы. В этико-правовом вызове это выражается в соотношении технологии контроля и личностной парресии. В политэкономическом вызове – в прекариате, в экзистенциальной ренте, когда фактом существования в больших данных, которые монетизируются и капитализируются. В метафизическом – в полюсах человека-опции и «не-человеческой» субъектности. В социальном – перспективах расслоения социума в зависимости от степени принятия и реализации ответственной субъектности. Но главный вызов – антропологический: от человека не требуется проявление самостоятельного самосознания, рефлексивного размышления, обоснованного выбора стратегии поведения – только правильная реакция. Правильная в плане соответствия кем-то заранее заданных алгоритмов. Поле субъектности сужается до ее сердцевины и истока – эмоционального переживания жизненного процесса, восходящего к телесному опыту. Это и есть «новая животность» и «*homo sacer*», о которых ярко и убедительно пишет Д. Агамбен и которые обретают все более отчетливые формы [Агамбен 2011].

В терминологии А.А. Зиновьева, западнистский человеконик, акцентированный на экономические аспекты своего существования, в своем цифровом изводе порождает очередную модификацию капитализма – бес- и вне- человеческого способа хозяйствования, ориентированного на самовозрастание капитала. А человеконик, акцентированным коммунально, реализует не менее эйдетически чистый механизм подавления и укрощения субъектности. В определенном смысле оба формата сближаются, реализуя отмеченное в свое время Ф. Энгельсом, Р. Бёрнхемом, М. Джиласом, М. Восленским новое качество управления социумом – выход на первый план профессиональных управленцев, распоряжающихся не принадлежащей им собственностью, но от решений которых все более усложняющийся социальных механизм проявляет возрастающую зависимость. В этом процессе коренилась возникшая в свое время теория конвергенции капитализма и «развитого социализма» [Гэлбрейт, Меньшиков 1988].

Такое сближение двух форм социальности не случайно. В.П. Макаренко глубоко и принципиально прав. В идее абсолютной власти или власти как таковой власть ради власти превращается в универсальную технологию. Цифровые форматы закрепляют некую универсальную социальность в духе А.А. Зиновьева, построенную на базовом расслоении любого социума на управляющих и управляемых, и – «укрощению субъектности». И советский опыт сыграл свою важную роль на пути России к этому формату.

Цифровизация создает не только технологическую основу сближения двух векторов социальности (экономического и коммунального). В этой связи, в новом формате предстает нетривиальное значение менталитетного аспекта социальности, когда задача «научить и приучать людей видеть и понимать окружающий мир и самих себя не такими, какими они являются сами по себе, а так, как это требуется...» [Зиновьев 2022: 312], получает невиданные ранее возможности решения. И при всем прагматическом инструментализме власти по отношению к контенту оправдывающей ее конкретной смысловой картины мира, для легитимности формирования и удержания власти необходима именно содержательная характеристика доминирующего смыслообразования. И тогда понятно, почему для любой власти (в рамках как государства, так и религии, научной школы, бизнеса) важна не столько борьба с врагами, сколько с инакомыслием, борьба за чистоту рядов, являющаяся борьбой за само

существование этой власти. Враги (реальные или выдуманные) – только часть доминирующей смысловой картины мира, всякое сомнение в которой, иные осмысления предстают для существующей власти как «семиотическое вредительство».

В таком обществе снимается вопрос о динамике смысловой картины мира, образа будущего – дело сводится к технологическому воспроизводству сложившегося порядка с реализацией «человекобожеской» смысловой монополии. И это уже вопрос об основаниях не только политической теории или даже социально-гуманитарных наук, но и человеческой цивилизации в целом, для которой динамика смысловой картины мира нетривиально существенна (так было до сих пор). По сути дело не столько в новых вызовах и запросах к морали и праву, сколько в подавлении субъектности, которая была и остается универсальным интерфейсом смыслообразования – прокреации и преадаптивности, обеспечивающих динамику развития цивилизации [Асмолов, Шехтер, Черноризов 2018; Киященко 2022].

Вместо заключения

Важное политическое обстоятельство специфики смысловой картины мира, консолидирующей конкретный социум в цифровом социуме. Если экономика и социально-политическая жизнь различных социумов, заимствуют цифровые форматы, то смысловые картины мира, консолидирующие конкретные социумы, не конвергируют, а зачастую – противостоят и противопоставляются друг другу. Именно в силу их инструментальности для власти. Поэтому конструктивизм для политической концептологии и практики в условиях цифровизации также оказывается неоднозначным в решении проблемы сущностного противоречия политической власти.

Что в настоящее время разделяет общества – это не столько экономические интересы, сколько смысловые картины мира, культивируемые властными элитами для удержания власти. Именно в этом представляется источник опасности современной конфликтности, порождающей рост рессентимента, агрессии, насилия. В этой связи политической концептологии еще предстоит много интересной и важной работы по осмыслению современной политической реальности, выходящей за рамки привычных парадигм.

Агамбен Д. 2011. *Ното sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. – М.: Европа. – 256 с.

Асемоглу Д., Робинсон Д.А. 2015. *Экономические истоки диктатуры и демократии*. – М.: ИД ВШЭ. – 512 с.

Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. 2018. *Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции*. – М.: Акрополь. – 212 с.

Бычкова О. (ред.) 2019. *Фантастические миры российского хай-тека*. – СПб: Изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге. – 416 с.

Вавилов Н.Н. 2022. *Китайская власть*. – Москва: Товарищество научных изданий КМК. – 662 с.

Гэлбрейт Дж., Меньшиков С. 1988. *Капитализм, социализм, сосуществование*. – М.: Прогресс. – 198 с.

Зиновьев А.А. 2022. *Фактор понимания*. – М.: Канон+. – 392 с.

Злотникова Т.С., Никольский С.А. (научн.ред.) 2022. *Советское бытие: от укоренения до преодоления*. Колл.научн. монография. – Ярославль: РИО ЯГПУ. – 569 с.

Киященко Л.П. (отв.ред) 2022. *Человек как открытая целостность: коллективная монография*. – Новосибирск: Академиздат. – 530 с.

Ледяев В.Г. 2001. *Власть: концептуальный анализ*. – Москва: РОССПЭН. – 384 с.

Лефевр В.А. 2003. *Алгебра совести*. – М.: Когито-Центр. – 426 с.

Макаренко В.П. 2021. *Собрание сочинений: в 5 т.* – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета. – Том 1. – 628 с.; Том 2. – 661 с.; Том 3. – 638 с.; Том 4. – 657 с.; Том 5. – 661 с.

Никольский С.А. 2023а. Переустройство общества и пересоздание человека. Крах иллюзий. – *Философия. Журнал Высшей школы экономики.* – Т. 7. – № 2. – С. 203–222.

Никольский С.А. 2023б. *Советское. Идея и практика.* – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. – 392 с.

Никольский С.А. 2024. *Советское. Философско-литературный анализ.* – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. – 322 с.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества.* – М.: Институт Гайдара. – 480 с.

Стэндинг Г. 2020. *Прекариат. Новый опасный класс.* – М.: Ад Маргинем. – 368 с.

Травин В.Я. 2021. *Почему Россия отстала?* – СПб: ЕУ СПб. – 368 с.

Тульчинский Г.Л. 2022. Прагмасемантика цифровых коммуникаций: смысловые картины мира, ценностно-регулятивные системы и ответственность. – *Государство и граждане в электронной среде.* – Выпуск 6. – СПб: ИТМО. – С. 9–23.

Тульчинский Г.Л. 2023. Смысл, субъектность и ответственность в цифровых коммуникациях. – *Человек.* – Т. 34. – № 3. – С. 74–93.

Харрисон Л., Хантингтон С. (ред.) 2002. *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу.* – М.: МШПИ. – 320 с.

Хоффер Э. 2017. *Человек убежденный. Личность, власть и массовые движения.* – М.: Альпина Паблишер. – 200 с.

Hofstede G. 2001. *Culture's Consequences: comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations (2nd ed.).* – Thousand Oaks, CA. – 596 p.

Lewis R.D. 2018. *When Cultures Collide: Leading across Cultures.* – Boston-London: Nicholas Brealey Publishing. – 625 p.

Zolyan S. 2021. On pragma-semantics of expressives. Between words and actions. – *Studies at the Grammar-Discourse Interface* /ed. by A.Haselow, S.Hancil. – Amsterdam: J.Benjamins Publ. – Pp. 245–271.